

"Южный край" г. Харьков
1891, 24 октября.

Из харьковской театральной старины *.

(Материалы, мелочи и замечки).

IX.

Въ началѣ 40-хъ годовъ въ Харьковѣ образовалась театральная дирекція, состоявшая подъ покровительствомъ генералъ-губернатора и замѣнившая послѣдняго изъ старинныхъ харьковскихъ антрепренеровъ или, какъ тогда выражались, „содержателей“ театра, Млотковского. Въ составъ ея вошелъ, въ числѣ другихъ, и богатый только что вставшій со школьной

* См. „Южный Край“ № 3701.

скамьи помѣщикъ Даниловъ. Вотъ онъ то много лѣтъ спусти и разсказывалъ въ одной газетѣ весьма типичный эпизодъ изъ своего кратковременнаго „служенія искусству“.

„Я только что кончилъ курсъ въ университетѣ, повѣствуетъ Даниловъ. Жажда дѣятельности кипѣла въ моей груди, и мнѣ хотѣлось, проживая наслѣдственное достояніе, что-нибудь да дѣлать. Въ ту пору въ нашемъ губернскомъ провинціальномъ театрѣ производились великія реформы. Образовывалась на мѣсто антрепренерской власти дирекція изъ губернскихъ тузовъ съ печатными правилами для полуграмотныхъ и полутрезвыхъ артистовъ, съ печатными бланками для контрактовъ съ ними, съ основнымъ капиталомъ членовъ—акціонеровъ дирекція, словомъ, со всѣми онерами. Градоначальникъ изъявилъ согласіе быть верховнымъ покровителемъ общества и уважить собственнымъ авторитетомъ его дѣятельность. Меня, какъ любителя театра, а главное, какъ человѣка, не обремененнаго фортуной и вѣломъ на жизненномъ пути семь, пригласили, безъ жалованья, съ титуломъ начальника репертуарной части, назначать спектакли, бенефионы, распределять между артистами роли, присутствовать на репетиціяхъ, рѣшать доступъ дебютантамъ и заключать съ ними контракты. Двадцатилѣтнему не развитому юношѣ показалось обременительнымъ дѣлаться владыкою цѣлаго мірка. Я съ восхищеніемъ принялъ предложенное мнѣ званіе, но скоро—увн!—мнѣ пришлось разочароваться.

Началось съ того, что чуть не каждый акціонеръ, внесшій лепту въ основной капиталъ, сталъ совать мнѣ своихъ protégés. Разочетъ былъ вѣренъ у гг.

акціонеровъ: заплативъ разъ небольшую сумму, они имѣли постоянное мѣсто въ театрѣ, да сверхъ того пристраивали на жалованье отъ театра тѣхъ, которыми платили прежде изъ собственныхъ кармановъ. Особенно памятенъ мнѣ одинъ такого рода случай:

„Пожилый, сѣдовласый провинціальный тузъ прислалъ мнѣ однажды вапску, въ которой рекомендовалъ, какъ чудо изъ чудесъ, нѣкую Л***, которая хоть никогда не играла, но должна была, по соображеніямъ патрона, великолѣпно „заиграть“. Я самъ прошелъ съ ней роль Офеліи—писалъ онъ, и ругаюсь, что въ театрѣ не останется цустаго мѣста, когда имя ея появится на афишѣ“.

Я просилъ передать артисткѣ, чтобы она пожаловала на слѣдующее утро въ театръ. Репетицію „Гамлета“ я назначилъ на завтра и съ 10 часовъ утра сталъ ожидать новую Рапелю. Является рыженькая, смалювечная особа, съ сильно развитыми формами, съ манерами швеи, въ костюмѣ мѣщанки-аристократки. „Гдѣ вы воспитывались?“ спрашиваю я. Рапелъ не понимаетъ моего вопроса, и тупо смотритъ на меня. „Гдѣ и чему вы учились?“ повторяю я. Рапелъ глупо ухмыляется и, наконецъ, объясняетъ, что „грамотѣ училъ ее самъ тенька, а бѣлошвейному мастерству занялась она отъ мадамъ“. Довольно, кажется, было взглянуть на эту особу, выслушать отъ нея одну такую фразу, чтобы посовѣтовать ей снова вѣзаться за иглу, но—увн! тузъ былъ провинціальный, жовырной тузъ, онъ билъ воѣ масти,—слѣдовало вести до не plus ultra осторожно. Мы начали репетицію. Старые актеры и актрисы переминивались и посмѣивались втихомолку, знаменитый суфлеръ Миша лѣвъ со влости изъ будки и изъ кожи; Гамлетъ чуть не рычалъ на свою возлюбленную; Полоній, первый актеръ труппы и первѣйшій плутъ въ мірѣ, заявлялъ торжественно, что не выйдеть на сцену съ подобной дочкой. Но вотъ появляется и заповадавшій патронъ, удостоиваетъ протянуть Пеловію цѣлыхъ два пальца, удостоиваетъ легкимъ кивкомъ головы прочихъ членовъ труппы,—и всеобщее настроеніе измѣняется. „Хорошо?“ говоритъ патронъ, обращаясь къ Полонію. „Удивительно!“ отвѣчаетъ плутъ, подмигивая мнѣ.

„Я отправился къ директору распорядителю и объяснилъ ему всю оутѣ дѣла. „Нелзя съ“, сказалъ онъ: „нел-

зя-съ не допустить ея... Вѣдь вы знаете, кого мы разсердимъ“.

Черезъ недѣлю Офелія дебютировала: тузъ и нѣсколько фигуръ той же жовырной масти аплодировали ей, подначальныя двойки и тройки рвались выкрикомъ „браво“ доказать свою преданность, студенты и „незавоимые“ составили оппозицію. Въ мѣстной губернской газетѣ въ неоффициальномъ отдѣлѣ совѣтникъ губернскаго правленія наотрочилъ статью, гдѣ превознесъ до небесъ „небывалый талантъ и прелесть наружности дебютантки“.

На другой же день послѣ сказаннаго дебюта я оставилъ должность начальника репертуара“.

Этотъ разсказъ мы нашли въ газетѣ „Антрактъ“ за 1866 годъ (№ 28). Вотъ какъ 20 лѣтъ тому назадъ процвѣтали провинціальныя театры! восклицаетъ Даниловъ въ заключеніе. Слѣдовало сказать не 20 лѣтъ, а 23 года тому назадъ, такъ какъ дирекція образовалась въ 1843 году (она просуществовала всего пять лѣтъ). Замѣтимъ, кстати, что Даниловъ совершенно напрасно такъ презрительно отзывается о провинціальныхъ театрахъ того времени. На Харьковской сценѣ 40 годовъ играли Соленикъ, Рмбаковъ, Ладина, Млотковская и т. д.,—таланты, до которыхъ теперешнимъ „свѣтиламъ“ какъ до звѣзды небесной далеко...

X.

Знаменитый московскій комикъ Щепкинъ, какъ извѣстно, въ началѣ своего артистическаго поприща, въ теченіе многихъ лѣтъ игралъ въ провинціи: сначала въ Курскѣ, а затѣмъ въ Харьковѣ, Полтавѣ и Кіевѣ. Перейдя на Московскую сцену въ 1823 году, онъ время отъ времени, пользуясь лѣтними каникулами, навѣщалъ своей родной югъ и неоднократно появлялся на Харьковской сценѣ. Изъ воспоминаній проф. Буслаева оказывается, что гениальный артистъ бывалъ въ Харьковѣ, между прочимъ, и въ 30-хъ годахъ. Проматривая сочиненіе названнаго автора „Мой досугъ“, мы нашли въ немъ (II, 237), въ статьѣ „Комикъ Щепкинъ о Гоголѣ“ разсказъ Щепкина, который начинается слѣдующими словами: „Бѣжалъ изъ Харькова въ то время, какъ было открытіе мощей Митрофанія. Дай, думаю, заѣду въ Воронежъ“. Мощи Святителя Митрофанія были открыты обрѣтены негнѣнными въ 1832 году * значить, Щепкинъ былъ въ Харьковѣ

именно въ этомъ году. По всей вѣроятности, онъ пріѣзжалъ сюда, чтобы участвовать въ нѣсколькихъ спектакляхъ.

XI.

Теперь, когда въ Харьковѣ, послѣ долгаго перерыва, снова возродилась русская опера, а мѣстное отдѣленіе Харьковского музыкальнаго Общества только что отпраздновало свое двадцатилѣтіе, не мѣшаетъ вспомнить о чело-вѣкѣ, не мало потрудившемся надъ развитіемъ музыкальнаго образованія въ Харьковѣ и въ качествѣ преподавателя музыки, и въ качествѣ дирижера оркестровъ. Мы говоримъ о старикѣ К. П. Вильбоа, маленькую, комически-торжественную и строгую фигуру котораго, вѣроятно, еще помнятъ многіе изъ харьковцевъ. Вильбоа, къ сожалѣнію, не повезло въ Харьковѣ и онъ оставался вѣдѣсь сравнительно не долго. Говоримъ „къ сожалѣнію“, ибо Вильбоа безспорно обладалъ солиднымъ музыкальнымъ образованіемъ и могъ бы при нѣкихъ условіяхъ сдѣлать гораздо больше, чѣмъ сдѣлалъ.

Константинъ Петровичъ Вильбоа родился въ Петербургѣ, въ маѣ 1817 года, воспитывался во 2-мъ кадетскомъ корпусѣ, откуда выпущенъ въ гвардейскую артиллерию въ 1837 году. Прослуживши три года, онъ вышелъ въ отставку, а въ концѣ 40-хъ годовъ вновь поступилъ на службу, при военномъ комитетѣ, помощникомъ дѣлопроизводителя, и состоялъ въ этой должности до начала шестидесятихъ годовъ.

Еще въ корпусѣ онъ обнаруживалъ значительную склонность къ музыкѣ: онъ былъ регентомъ пѣвчихъ и хорошо игралъ на фортепiano. Первое его сочиненіе, романсъ „Смерть“, на слова товарища его Айбулатова („Она придетъ неслышно и незримо“), было вывѣшено сильнымъ впечатлѣніемъ, произведеннымъ на Вильбоа видомъ мертвораго князя Петра Михайловича Волконскаго (фельдмаршала), у тѣла котораго онъ стоялъ въ почетномъ караулѣ. Второе его сочиненіе—романсъ „Воспелъ на небо мѣсяцъ юный“ и третье—дуетъ „Волшебный мракъ отрадной ночи“, оба написаны въ 1849 году на слова его товарища и пріятеля Яценева. Вскорѣ потомъ онъ написалъ дуетъ „Моряки“ (слова Ямкова), пользовавшійся въ свое время большою популярностью и часто исполнявшійся

въ концертахъ. Въ теченіе пятидесятихъ годовъ имъ написана опера „Наташа или волжскіе разбойники“, на либретто Куликова. Въ первый разъ она была поставлена въ Москвѣ въ октябрѣ 1861 года, въ бенефиасъ г-жи Семеновой, а потомъ и въ Петербургѣ, въ бенефиасъ г-жи Лесновой. Это довольно блѣдное и нѣсколько дилетантское подражаніе „Жизни за Царя“ имѣло лишь позредственный успѣхъ. Раньше „Наташа“ онъ работалъ надъ оперой „Тарасъ Бульба“, позже „Наташа“—надъ оперой „Цыганка“ на сюжетъ Баратынскаго, но не кончилъ ни той, ни другой. Въ 1853—1854 годахъ онъ дирижировалъ пѣвчими и балетнымъ оркестромъ Павловскаго полка. Въ послѣдніе годы жизни Глинки въ Петербургѣ (1853—1856), Вильбоа постоянно былъ при немъ, дѣлалъ разныя аранжировки его оперъ, и, между прочимъ, присовѣтовалъ Глинкѣ свою „Молитву“ изъ фортепiанной пьесы превратить въ вокальную, приспособляя къ ней текстъ Лермонтова. Въ концѣ 1850 хъ годовъ онъ ѣздилъ вмѣстѣ съ В. П. Энгельгардтомъ по Волгѣ и при этомъ записывалъ народныя пѣсни, часть которыхъ издалъ въ первый разъ въ „Драматическомъ сборникѣ“ Аполлона Григорьева, въ 1860 году, въ видѣ особаго приложенія. Позже онъ издалъ еще нѣсколько выпусковъ русскихъ народныхъ пѣсень.

Во второй половинѣ шестидесятихъ годовъ, Вильбоа поѣхалъ въ Харьковъ; сначала жилъ у одного богатаго помѣщика и училъ фортепiанной игрѣ его жену, братьевъ; потомъ—у другаго помѣщика, и дирижировалъ, какъ любитель, его оркестромъ; въ помѣщеніи Харьковского университета онъ три года читалъ публичныя лекціи по исторіи и теоріи музыки; года два былъ директоромъ музыкальныхъ классовъ, дирижировалъ оркестромъ Коммерческаго клуба и, наконецъ, сдѣлался театральнымъ капельмейстеромъ. Въ это то именно время онъ одинъ разъ исполнялъ роль Суянина въ началѣ 1859 года въ четвертомъ актѣ „Жизни за Царя“, который вѣдумалъ поставить въ свой бенефиасъ при помощи „мѣстныхъ силъ“, т. е. членовъ драматической труппы (Ваню пѣла актриса А. Н. Озорова). У Вильбоа не было никакого голоса. Онъ кричалъ, хрипѣлъ да въ добавокъ еще и вакался, и публика опшкала его самымъ немилосерднымъ образомъ.

Въ началѣ 1870 хъ годовъ Вильбоа вернулся въ Петербургъ и, послѣ неудачной попытки, пристроился въ клубѣ художниковъ дирижеромъ концертовъ, а около 1876 года перѣхалъ въ Варшаву и поступилъ на службу въ артиллерійское вѣдомство. Въ 1882 году онъ вышелъ въ отставку, и, находясь въ крайней бѣдности, послѣ долгой трудовой и скитальческой жизни, умеръ скоропостижно, отъ разрыва сердца. **